

Гуань Сыхао замер, его глаза наполнились глубоким недоумением, словно он совершенно не понимал, о чём говорит Цзян Мэй.

Цзян Мэй смотрела на Гуань Сыхао, и её взгляд становился всё более странным.

— Ты и твоя мать действительно очень похожи...

Гуань Сыхао по-прежнему выглядел растерянным.

Цзян Мэй продолжила:

— Даже это притворство невинности, простоты и безобидности — точь-в-точь как у твоей матери в молодости.

Эти слова, явно не являвшиеся комплиментом, заставили всех присутствующих гостей замереть, их взгляды устремились на Гуань Сыхао.

Чжоу Вэньлун снова свистнул.

Он повернулся к Чэнь Циньцину и с улыбкой сказал:

— Раньше я уже говорил своим родителям, что этот Гуань Сыхао просто притворяется таким, но они не верили, считали, что я предвзят к нему. Теперь вот, говорю не я один, они наконец должны поверить.

Чэнь Циньцин покачал головой, его взгляд скользнул по гостям и остановился на Чэнь Юхао.

— У каждого есть своё суждение, и именно внутреннее убеждение определяет, кому они верят — себе или другим.

Чжоу Вэньлун удивлённо спросил:

— Неужели?

Едва он произнёс эти слова, как Чэнь Юхао встал на защиту Гуань Сыхао:

— Сыхао — мой сын! Я лучше всех знаю, какой он. Ты, посторонний, не имеешь права указывать моему сыну! И как он мог знать о прошлом Гуань Лань? Не втягивай моего сына в это!

Чэнь Юхао выглядел возмущённым, словно Цзян Мэй клеветала на него самого.

Чжоу Вэньлун помолчал, прежде чем произнести:

— Ладно, в этом мире действительно много глупцов.

— Мяс, — ответил девятихвостый кот, сидевший на голове Чэнь Циньцина.

Цзян Мэй лишь бросила взгляд на Чэнь Юхао, в её глазах читалась лёгкая жалость, затем она отвела взгляд и снова обратилась к Гуань Лань.

Когда Цзян Мэй уже собиралась продолжить, заговорил Гуань Сыхао:

— Тётя, я не знаю, что моя мама сделала вам в прошлом, но я хочу извиниться перед вами и

надеюсь, что вы сможете простить её.

Цзян Мэй смотрела на Гуань Сыхао, её взгляд был сложным и неоднозначным.

— Я не помню вас, тётя. Значит, это произошло более двадцати лет назад? — Гуань Сыхао говорил искренне. — Раз уж прошло так много времени, почему бы нам всем не сделать шаг назад и не отпустить это?

Цзян Мэй покачала головой:

— Некоторые вещи, однажды случившиеся, никогда не забываются. Это то, что помнишь всю жизнь.

Она сделала паузу и добавила:

— Ты и твоя мать действительно очень похожи. Похоже, ты унаследовал её сущность.

Гуань Сыхао нахмурился:

— Тётя...

Цзян Мэй прервала его, внезапно спросив:

— Ты знаешь, каких людей я больше всего ненавижу?

Не дожидаясь ответа, она сама продолжила:

— Больше всего я ненавижу таких, как твоя мать.

Эти слова явно указывали на то, что она ненавидит как Гуань Лань, так и Гуань Сыхао.

Цзян Мэй продолжила:

— Потому что твоя мать использовала свою невинную внешность, чтобы обмануть моего старшего брата, а затем, воспользовавшись его искренностью, заставила его стать «подставным отцом». Но даже этого ей было мало — она презирала моего брата за то, что он был бедным художником, и, пользуясь своей невинной внешностью, тайно связалась с женатым мужчиной.

Информация, которую озвучила Цзян Мэй, вызвала шок среди гостей.

Это сильно расходилось с тем, что они знали ранее.

Оказывается, не было никакой «любви ради ребёнка», а жизнь Гуань Лань в прошлом была полна хаоса.

Самое смешное, что Чэнь Юхао до сих пор верил в эту ложь?

Голос Цзян Мэй раздался из микрофона:

— Когда её связь с женатым мужчиной раскрылась, и тебе было всего три года, она заставила моего честного брата развестись. Только тогда мы узнали, что ты не его сын. Будучи виновной в измене, после развода она забрала всё имущество моего брата.

Чэнь Юхао, понимая, что не может остановить Цзян Мэй, почувствовал, как его сердце сжимается.

Он взглянул на Гуань Сыхао, который уже нахмурился.

Если бы он сейчас не находился в «режиме Белого Лотоса», он, возможно, смог бы вырвать микрофон у Цзян Мэй, но сейчас, в этом режиме, он не мог позволить себе такой поступок.

Ведь Белый Лотос никогда не вступает в конфликты.

Гуань Сыхао лишь надеялся, что Цзян Мэй остановится на этом.

Но её слова продолжали звучать, полные ненависти:

— Однако после развода Гуань Лань не ожидала, что женатый мужчина передумает и не захочет разводиться. В ходе спора между ними произошла драка, и она убила его ножом!

Слова Цзян Мэй прозвучали с такой силой, словно она бросила бомбу на головы всех присутствующих.

Гуань Лань — убийца? Это шутка?

— Это невозможно, моя мать не могла убить человека, — тут же возразил Гуань Сыхао. — Мы живём в правовом государстве, и если бы моя мать убила, закон наказал бы её. Она не могла бы находиться вне тюрьмы и тем более воспитывать меня.

Гуань Сыхао сослался на закон, что заставило гостей быстро остыть и усомниться в словах Цзян Мэй.

Они не верили, что если бы Гуань Лань действительно убила, она смогла бы избежать наказания и остаться на свободе.

Чэнь Циньцин взглянул на Гуань Сыхао, затем перевёл взгляд на Цзян Мэй.

Девятихвостый кот на голове Чэнь Циньцина действовал синхронно с ним.

Выражение лица человека и кота было идентичным.

В этот момент из толпы гостей раздался голос:

— Я помню, что более десяти лет назад внук старейшины Цзян убил человека и попал в тюрьму. Старейшина Цзян именно из-за этого происшествия с его самым талантливым внуком покинул художественную сцену.

Гуань Сыхао мгновенно воспользовался этим слухом:

— Тётя, вы не можете из-за того, что ваш старший брат попал в тюрьму, клеветать на мою мать, обвиняя её в убийстве.

Цзян Мэй поняла замысел Гуань Сыхао, но раз уж они пришли сюда, они не боялись чужих взглядов.

Цзян Мэй холодно усмехнулась:

— А ты знаешь, почему мой брат попал в тюрьму?

Гуань Сыхао, не задумываясь, ответил с уверенностью:

— Закон никогда не ошибается!

Цзян Мэй глубоко взглянула на Гуань Сыхао:

— Похоже, ты уже догадался.

Гуань Сыхао молчал, продолжая верить в свою мать и защищать её, словно борясь со злом.

Чэнь Юхао был тронут таким поведением Гуань Сыхао. Ребёнок, который готов встать на защиту своей матери, разве может быть плохим?

Думая о другом сыне, который спокойно сидел в зале, совершенно не вмешиваясь, Чэнь Юхао снова разозлился, и его внутренние весы склонились ещё сильнее.

Цзян Мэй кивнула Гуань Сыхао:

— Верно, закон не ошибается, потому что он основан на доказательствах. Но что, если все доказательства преступления были сфальсифицированы?

— Я верю, что следователи не обвинят невиновного, — Гуань Сыхао продолжал стоять на стороне закона, чтобы опровергнуть Цзян Мэй.

Он словно занял выгодную позицию, защищаясь от всех атак.

Цзян Мэй смотрела на Гуань Сыхао и невольно вздохнула:

— Ты умнее своей матери.

Гуань Сыхао сказал:

— Я просто не хочу, чтобы мою мать оклеветали!

— Да, следователи не обвинят невиновного.

Голос Цзян Мэй стал задумчивым:

— Но когда кто-то признаётся в преступлении и предоставляет доказательства, которые подтверждаются, кто подумает, что настоящий преступник — другой человек?

Цзян Мэй: Я, Цзян Мэй, человек с положением, и больше всего на свете ненавижу белых лотосов!

Спасибо тем, кто поддержал меня, отправив «бомбы» или «питательные соки»!

Спасибо за отправку [гранаты]: Смотрящий на пустой кошелёк Ачи — 1 штука.

Спасибо за полив [питательной жидкостью]: Сяо Сяо Сяо Сяо — 55 бутылок; Минь Е — 10 бутылок; □□ — 6 бутылок; Юй Юй, запасливая хомячка — 1 бутылка.

Огромное спасибо за вашу поддержку, я буду продолжать стараться!

<http://bllate.org/book/16138/1444745>